

Сов. культура, 1968, 30 авг.

...Я ЗНАКОМА теперь с двумя людьми, носящими имя Георгий Петрович Бармин. У них одна биография, профессия, возраст, у них общее дело, общие друзья. И встретилась я с ними при аналогичных обстоятельствах — в спектаклях «Человек и глобус»; с одним — в Краснодаре, с другим — в Ставрополе. И потому что Георгий Бармин — герой драматической хроники Виктора Лаврентьева — сыгран Николаем Провоторовым и Виктором Фоменко по-разному, характеры, созданные актерами, представляют особый интерес.

— Действуйте, действуйте, опустив забралю!

Напустив кого-то невидимого, стремительно выходит на сцену стройный русоволосый человек. Светлые глаза молодого поблескивают на смугловатом лице, белозубая улыбка, легкая, пружинистая походка. Напор, воля, собранность. Таково первое впечатление, которое производит Бармин Николая Провоторова.

К финалу спектакля пройдут годы. Посеребрятся виски, заметнее обозначатся морщинки у рта, появится привычка вдруг уходить в себя, в свои мысли, продолжая одновременно, словно бы краем сознания, слушать собеседника, но он останется все тем же Барминым, заряженным удивительным, страстным, жизненным током. И voltaж этого заряда не ослабевает с годами, как не ослабевает его магнетическое влияние на окружающих. И все так же стремителен его шаг, так же молодо сверкают глаза и зубы, все та же юношеская азартность в жестах, ритме речи, в голосе.

Ему выпала трудная судьба. Влюбленный в «лучистую энергию», одержимый мыслью поставить ее на службу человечеству, «зажечь на земле второе солнце», Бармин, мечтающий о созидании, создает оружие уничтожения — атомную бомбу. Создает, ибо понимает, что монопольное владение ею империалистами приведет мир к ядерной катастрофе.

Какой же он, Георгий Бармин? В спектакле краснодарцев (режиссер М. Куликовский) Бармин Николай Провоторова совершает чудо не только благодаря своей исключительности. Его талант служит делу вдвойне потому, что он еще и отыскивает таланты вокруг, умеет пробудить дух творчества в других, потому что постоянно озабочен «вписыванием теории в практику». У Провоторова Бармин — не гений-одиночка, а некий аккумулятор мыслей и энергии огромного коллектива. Он не только ученый, но еще и практик, организатор. Ему интересны люди, для него наслаждение «подбросить» идею талантливому ученому, дать пищу его мозгу. Чрезвычайно показателен его способ общения с людьми: его мысль, почти как правило, опережает мысль собеседника, предполагая ее направление, развитие, конечную точку и выдвигая встречный тезис.

Бармин — рыцарь науки, ибо служит ей бескорыстно. Ему безразличен собственный приоритет, но важен результат дела и чрезвычайно дорог приоритет страны. Вспоминается разговор с Цветковым в первом эпизоде, когда он поздравляет молодого ученого с открытием спонтанного деления ядер урана. Бармин — Провоторов весь светится торжеством.

В этом образе нет ничего общего с привычным представлением о «ры-

царе науки» как о чудаковатом, рассеянном ученом, сильном духом, но чаще всего немощном телом. У этого Бармина поистине, как говорится, в здоровом теле здоровый дух; да и не мог бы человек слабый вынести такое нервное напряжение, такую физическую перегрузку, какие выпали на его долю. Наверное, и в этом причастность героя к нашему времени: ведь средний возраст нынешних ученых значительно «помолодел», и тридцати-сорокалетние академики значительно типичнее для молодых отраслей науки, чем седебородые патриархи, каких мы привыкли видеть на сцене и на экране.

Одержимость делом, наукой, постоянное внутреннее напряжение мысли Бармина, подчас не выражен-

ной главной мыслью пьесы.

Есть в этом Бармине завидное качество — сдержанность, происходящая, видимо, от уверенности в том, что в конце концов все будет как надо. Герой Провоторова весь, как сжатая пружина, он постоянно сомневается, ищет, отвергает, снова ищет, а герой Фоменко твердо идет намеченным путем. И чувства свои они проявляют по-разному: один — поглощенный азартом борьбы, другой — идущий наверняка, по заранее обдуманному и выверенному пути.

Притягательная сила Бармина — Фоменко в его мудрой предусмотрительности, в его надежности. С ним и вправду, как за каменной стеной. Он сам все уладит в высших сферах, где непременно прислушиваются к его железной логике, он добьется всего — и кадров, будь они хоть за тридевять земель, и денег, будь на счету каждая копейка, и материалов, будь они «под землей». Многого для создания новой промышленности он делает на наших глазах и всегда добивается того, что нужно. Он также бескорыстен и рыцарски служит науке. Но по-своему сохраняет в сердце местечко и для любимой женщины, и для прочих радостей жизни...

Красивый, обаятельный, несомненно увлеченный своим делом, он на месте и под бомбежкой в Севастополе, и в правительственном кабинете Гишанкова, и в лаборатории. К нему одинаково пристали и морской бушлат, и безукоризненно сшитый костюм, и шегольская спортивная куртка.

В его обаятельном лукавстве, в его чутком внимании, с которым он умеет слушать, в его убежденной твердости угадывается тот стержень, на котором держится главное в характере Бармина — самозабвенная влюбленность в науку, служение Родине. И выявляется это не в монологах, которые, кстати, у ставропольцев сведены до минимума, а в эпизоде, когда впервые заработал атомный реактор. Только что он почти спокойно произнес заветное: «Итак, атом в наших руках», но вдруг обычная сдержанность изменила ему — слезы подступили к горлу, и, глотая их, он шептал какие-то бессвязные слова: «...черти... чумазые... волшебники... вот и все, вот и все!». А слезы уже блеснули на глазах, и он не замечал их, потому что весь был в этом неиспытанном никогда прежде ощущении счастья, победы, власти над самой природой.

Наш современник Георгий Бармин интересен нам не только потому, что он — личность незаурядная, что в нем сконцентрированы типичные черты советской интеллигенции, которая есть плоть от плоти своего народа; не только потому, что его мышление затрагивает проблемы века, но еще и потому, что понятия общегосударственной, общепланетной значимости стали для него глубоко личным делом. Нам интересны движения души Бармина, глубина и мощь этого характера, показанного драматургом кое-где эскизно. И Провоторову и Фоменко удалось в этом плане восполнить некоторый пробел первоисточника.

Удалось потому, конечно, что Бармин, написанный Виктором Лаврентьевым, — герой нашего времени по многим приметам. Он из тех, кто творит нашу жизнь.

М. САЕНКО,
соб. корр. «Советской культуры».

КРАСНОДАР — СТАВРОПОЛЬ.

НАШ СОВРЕМЕННОК— Георгий БАРМИН

ное в физическом действии, — серьезный экзамен для актера. Мне думается, что Провоторов выдерживает этот экзамен не только благодаря своему действительно высокому мастерству, но еще и потому, что его человеческая, гражданская позиция необычайно близка позиции героя. Это проявляется прежде всего на труднейших этапах роли — в монологах-раздумьях, монологах-призывах, монологах-откровениях.

Провоторов уходит от всех легких путей вглубь. Ему удается избежать однозначности в трактовке образа Бармина, которая часто присутствует в натурах, одержимых одной, поглощающей все душевные силы идеей. Мне думается, что преодолевается она благодаря достигнутой актером счастливой гармонии таланта и идеи, чувств и разума. Бармин — естественный человек, не знающий разлада между чувством и разумом.

В Ставропольском краевом драматическом театре режиссер С. Рейнгольд и исполнитель главной роли Виктор Фоменко решили спектакль и образ иначе. Путь Георгия Бармина — это прежде всего путь преодоления множества труднейших препятствий. Да, этот высокий крупный человек с традиционной для русского интеллигента бородкой — несомненно большой ученый. В это веришь, слушая его раздумчивую, ноторопливую речь, чувствуя, как рождается мысль за высоким лбом. Он, несомненно, опытный руководитель, именно руководитель, в то время как у Провоторова Бармин скорее вдохновитель, организатор. Мягкий, сердечный человек завидной душевной прочностью и зрелостью, герой Виктора Фоменко непрерывно занят делом, причем выполняет его он в сложнейших условиях спокойно, пожалуй, даже слишком спокойно. И конфликт спектакля переконцентрирован на цель, препятствий и трудностей, которые приходится преодолевать ученому и его соратникам, чтобы создать атомное оружие. Скажем сразу: такая акцентировка не кажется нам в данном случае правомерной, отвеча-